

КАБИЛЫ:

образ жизни, обычаи, нравы

В этнически пестром населении Алжира выделяется чрезвычайно интересная этническая группа — кабилы¹, издавна населяющие прибрежные горные области Джурджуры и Бабора. Составляя примерно 30% населения Алжира и $\frac{3}{5}$ всех берберов страны, они образуют особый этнос, хотя под постоянным воздействием арабизации в городах и селлах равнинных областей кабилские мигранты фактически стали частью складывавшейся в ходе совместной с арабами антиколониальной борьбы арабоязычной алжирской нации.

Помимо языка кабилы отличались от арабов и других берберов (шавийя, мозабитов, туарегов) особо разветвленной структурой общинных институтов, должностей (*аделей, лхасос*) и корпораций (*ашмас, ашерас*) феодального характера².

Кабилия всегда была оплотом освободительного движения алжирцев. С началом революционной войны 1954—1962 гг., она наряду с берберской областью Ауресом, стала крупнейшим очагом партизанского движения³. Выдающемуся вкладу кабилов в историю алжирского народа во многом способствовало их традиционное свободолюбие. Труднодоступность горной Кабилии определила независимый характер, стойкость, выносливость и некоторую замкнутость ее населения. А исключительная скудость почв Кабилии в значительной мере объясняет относительную бедность большинства кабилов, распространенность среди них отходничества (ввиду невозможности всем прокормиться на родной земле), трудолюбие, бережливость.

Кабилы живут в огороженных деревнях, с узкими и извилистыми улочками. У входа в населенный пункт располагаются ток, амбары с кормами, стога и прессы для изготовления масла. Тропинки проложены так, что забредший сюда без дела иностранец неизбежно проходит мимо селения, не попадая в него. При первом же приближении к такой деревне можно убедиться в ее замкнутости, а также в том, что ее жители выступают как единое целое по отношению к внешнему миру. Расположенная над угодьями, покрывающими склоны гор вплоть до узких равнин, деревня с ее домами, окруженными огородами (их обрабатывают женщины), с расстилающимися внизу полями, оливковыми рощами представляла удобное место для самообороны, откуда кабил без труда мог следить за своими полями и садами.

Хижины кабилов имели прямоугольную форму и единственную низкую дверь. Через дверь же (единственное отверстие в доме) выходил и дым очага, используемого для приготовления пищи. В некоторых (лучших) домах был чердак, использовавшийся как хранилище или как спальня. В настоящее время кабилы уже строят дома с двумя окнами и более, а иногда даже и двухэтажные, и очень любят покрывать крышу черепицей.

Одежда кабилов — мужчин и женщин не отличалась разнообразием. Более разнообразной была одежда мужчин, что обуславливалось их образом жизни: они могли путешествовать и покупать одежду в городе. Традиционным головным убором мужчин была красная феска; летом прямо на нее надевалась большая соломенная шляпа. Преобладали мешковатые брюки из хлопка — белые, коричневые или синие; рубахи свободного покроя, также из хлопка, очень длинные — ниже колен. Каждый

¹ Название «кабилы» происходит от арабского «кабаиль» — «племена». Арабы называли так берберские племена, не подчинившиеся центральной власти, сохранившие свою организацию и независимость. Самоназвание кабилов — *имазиген* («свободные люди»).

² Подробно см. *Polkehn K. Unterwegs in Algerien. Lpz., 1975, S. 127—128.*

³ *Ланда Р. У арабов Африки. М., 1967, с. 86.*

мужчина имел бурнус — огромную ручной вязки шерстяную накидку с капюшоном, которую надевали, закинув правый конец на левое плечо.

Для женской одежды характерна яркая окраска. Обычно надевалось несколько платьев, одно на другое, но при этом ходили без обуви. Женщины носили яркие платки из хлопка и много украшений.

Экономика кабиллов всегда строилась в основном на выращивании оливковых и фиговых деревьев, а также еще некоторых культур, имеющих в хозяйстве второстепенное значение: жесткой пшеницы и ячменя; было развито также домашнее животноводство. Земля нераздельно принадлежала одной большой семье. Глава семьи с помощью всех ее членов сам обрабатывал землю, которая, несмотря на скудную продуктивность, кое-как кормила людей благодаря нераздельности владения и строгому режиму потребления.

Самой маленькой социальной ячейкой кабийского общества была большая семья — *акхам*. Семьи смыкались в объединение *харуба*, члены которого происходили от одного предка (в четвертом и пятом поколениях), носили одну фамилию и считали себя братьями. Однако нередко *харуба* объединяла и семьи, носившие разные фамилии и имевшие разное происхождение⁴. Каждую *харубу* возглавлял выборный староста. *Харубы* объединялись в более крупные группы, называемые *адкрумами*, и уже эти последние образовывали деревню — *тадарт*. Исполнительную власть деревни представлял *амин*⁵. Несколько деревень образовывали племя (*арш*), носившее имя мифического предка; иногда собиралась «ассамблея» из представителей каждой деревни. *Арши* объединялись в конфедерацию племен — *такбилт*.

Большая семья являлась средоточием действия обычного права, моральных и религиозных норм — моделью, по которой строились остальные социальные общности. Состав такой семьи не ограничивался наличием супружеской пары и их прямых потомков; она объединяла всех родственников по мужской линии. Отец, староста, священнослужитель и судья определяли каждой супружеской паре, их потомкам и холостякам точное место в обществе. Авторитет главы семьи был непререкаем. Он располагал двумя грозными рычагами воздействия — возможностью лишить наследства и проклясть. Последнее, как считалось, могло навлечь на человека божью кару.

Глава семьи распоряжался покупками, распределением работ, семейным бюджетом. Он руководил всеми семейными церемониями. В трудных случаях он созывал на совет сыновей, братьев, а иногда *марабута* (мусульманского отшельника, носителя религиозного знака).

Кабильская семья — по своей сущности социальная единица. Даже когда какой-либо индивид по экономическим или социальным причинам был вынужден определенное время жить отдельно от семьи, узы, связывающие его с родителями, продолжали оставаться сильными и неразрывными. Узы, связывавшие членов семьи, закреплялись в брачных обычаях и правах наследования.

Часто семья проживала в небольшой хижине; все имущество было общим. Когда дом становился слишком тесным, иногда строился дополнительный дом рядом со старым. Чаше же к семейной хижине пристраивалась еще одна комната.

После смерти отца роль главы в семье переходила к старшему сыну. В случае же отсутствия сына или внука руководство брал на себя ближайший родственник по мужской линии, работавший в том же хозяйстве. Наследование в кабийской семье шло также по отцовской линии, соответственно, — по мужской. Дети носили имя отца, а жена — семьи мужа. Говоря о своем муже, женщина, как правило, называла его «отец моих

⁴ Были случаи, когда вокруг родоначальника концентрировались группы клиентов, приемных детей и других лиц, вошедших в семью.

⁵ *Амин* — гражданин деревни, в которой он служил и постоянно жил. Он председательствовал на заседаниях *джамаа* (совет общины) и должен был выполнять ее решения. *Амин* не обладал какой-либо независимостью или инициативой, если не считал мелких вопросов, касающихся поддержания порядка, в частности направленного против воровства.

детей» или «отец такого-то и такого-то ребенка». Женщина всегда жила в семье мужа. Правда, случалось, что когда мужчина отправлялся на постоянную работу в город или во Францию, жена его возвращалась в свою семью на время его отсутствия. Но это обычно бывало в семьях, где не было детей. Иногда, уезжая за пределы деревни, мужчины брали с собой семьи. Это, конечно, означало нарушение строгой патриархальности.

Многоженство кабилами признавалось как разрешенное шариадом, однако практически встречалось крайне редко⁶.

Одной из наиболее влиятельных фигур в хозяйстве была свекровь. Нередко ее ревность к жене сына доводила дело почти до развода. Для кабийской семьи характерна большая привязанность ее членов друг к другу: очевидцев не раз поражала огромная привязанность отца-кабила к детям, несмотря на то, что семья часто испытывала страх перед отцом. Жена жила в вечном страхе перед разводом и побоями мужа. Она полностью подчинялась мужу и должна была сохранять ему верность⁷. В этом отношении обычай кабилов очень суров: он не допускает нарушения супружеской верности. Какие-либо отношения вне брака кабийским обычаем запрещаются. Известны случаи, когда отцы убивали своих дочерей, нарушивших этот обычай, и такое убийство не рассматривалось как преступление.

Французский очевидец Фердинанд Дюшен рассказал историю, происшедшую в 1928 г. в кабийской семье. Когда выяснилось, что незамужняя дочь беременна, отец предложил ей на выбор умереть от яда или кинжала. Девушка выбрала яд. В уголовном суде отец заявил: «Я сделал это потому, что был обязан это сделать. Пока мой ребенок не умер, я не мог жить. В настоящее время она заплатила — и я дышу»⁸.

В семье женщины вели полузатворническое существование. Ели они отдельно от мужчин. Значительная часть их жизни протекала во дворе их дома. Единственное место сбора женщин — источник, куда они ходили за водой. Здесь они обменивались деревенскими новостями. Женщины из зажиточных семей, а также женщины марабутов никогда не покидали своих дворов. Новости им приносили женщины, которые снабжали их водой.

В рамках одной харубы женщины посещали друг друга более свободно, что почти невозможно для живущих в разных частях деревни. Лица мужского пола не только не ходили к источникам, но и должны были избегать ведущих к ним тропинок в те часы, когда женщины шли за водой. Дворы домов обнесены высокими стенами, чтобы ничего не было видно с улицы. Мужчины же постоянно собирались в мечети или джамаа, на базарной площади или в кофейне.

При вступлении в брак кабила руководствовались правилами шариаата. Запрещалось вступать в брак с кровными родственниками, с кормилицами и молочными сестрами, матерями жен, с падчерицами и состоящими под опекой. Брак с негритянкой, например, в принципе не запрещался, но против него, как правило, восставала семья, и кабил, который бросал вызов своей харубе, вынужден был покинуть ее⁹. Марабуты считавшие себя особой группой, отказывались брать в жены девушек из семей, где занимались делом, которое считалось у марабутов постыдным (мясник, сапожник, танцовщик). Не разрешался брак марабута также с нарушителем супружеской верности.

Каждая кабийская девушка надеялась выйти замуж. Никаких других жизненных планов у нее не было. Французский автор Лора Буске

⁶ Wysner G. The Kabyle People. N. Y., 1945, p. 50.

⁷ Многие обычаи, касавшиеся женщин, были очень суровыми. «Поцелуй стоит дороже убийства», — говорили кабилы. Муж может «поправить свою жену в любой момент, когда она ошибается. Если его кулак не окажет достаточного воздействия, он может пустить в ход палку, камень, кинжал» (Bourdieu P. Sociologie d'Algerie. P., 1968, p. 342).

⁸ Wysner G. Op. cit., p. 57.

⁹ Так же кабил поступал в случае женитьбы на еврейке. Если же он брал в жены христианку, ее либо добровольно, либо силой обращали в мусульманскую веру.

Лефевр справедливо указывает, что старую шавийскую (одна из берберских этнических групп) поговорку — «Для девушки нет ничего, кроме свадьбы и могилы»¹⁰ — можно отнести и к кабилам.

Самые жесткие правила, регулировавшие жизнь берберских групп, существовали и у кабилы. У девушки не спрашивали согласия на брак. Она считалась собственностью своего ближайшего родственника по мужской линии — отца, деда, брата, дяди. Именно он брал на себя все заботы по устройству ее брака¹¹. Выражение «продажа невесты» кабила употребляли, чтобы определить характер этой сделки. Мужчина объявлял о своей женитьбе следующей фразой: «Я вчера купил жену». Когда же отец выдавал замуж дочь, о нем говорили: «Он ест за счет своей дочери». Это означало, что на деньги, полученные за дочь, он мог теперь кормить семью.

Будущий зять не только платил семье невесты деньги, но и доставлял определенное количество продуктов для свадебного пира. Эта обязанность известна под названием *шарут* (от арабского слова, которое переводится как «условие»). В состоятельных семьях размер шарут не обсуждался, так как тщеславие будущего мужа делало его щедрым на подарки.

Определенные обязательства возлагались и на отца невесты. Он давал одежду и ювелирные изделия за своей дочерью. Позднее сюда же стали причислять и дары, известные как *садак* (от арабского *садака* — «дар»). По чисто кабийской традиции размер и характер шарут и садак определялся в присутствии свидетелей и марабута, который в заключение произносил фатиху (первую суру Корана), а затем уже новость разлеталась по деревне¹².

Женщина-кабийка не имела права на развод. Мужчина же мог развестись с женой, когда захочет. Он просто говорил в таком случае: «Я развожусь с тобой!». Особой формулы здесь не требовалось, как и трех заявлений о разводе, обязательных по Корану. Заявление о разводе, сделанное при свидетелях, в Кабии считалось окончательным. Отвергнутая женщина возвращалась в дом отца и оставалась в его подчинении, пока он не «продавал» ее снова. Муж, согласно кабийскому закону, возмещал расходы своей отвергнутой жене; эта процедура известна под названием *лефди*. У кабилы признавалась только одна категория детей — законнорожденные. После развода женщине разрешалось взять с собой грудного ребенка. Остальные дети оставались с отцом, если не получали от него разрешения уйти с матерью.

Рождение ребенка, особенно мальчика, в кабийской семье становилось праздником. Веселились все члены семьи и родственники. О появлении на свет нового члена семьи возвещали пальбой из ружей. На восьмой день устраивали пир; новорожденному приносили подарки. Колыбель подвешивалась в доме к балке на самодельной травяной веревке. Воспитанием детей в кабийской семье занималась мать. Что же касается обучения, то еще во времена протектората во многих частях Кабии работали французские правительственные школы, но их было недостаточно, чтобы охватить всех мальчиков школьного возраста¹³. В некоторых школах учителями были французы, в других — кабилы. Все обучение в правительственных школах велось на французском языке. Некоторые кабилы сдавали экзамены в обычные школы, часть молодых кабилы

¹⁰ Lowie R. H. An Introduction to Cultural Anthropology. N. Y., 1940, p. 240—241.

¹¹ Хотя вопрос о браке целиком решался отцом, этот брак живо интересовал всю семейную группу и бывали случаи, когда мать или бабушка оказывали сильное влияние на его решение. Однако это чувствовали в доме скорее мужчины, чем девушки. Старые женщины всегда проявляли заботу о том, чтобы найти для своей семьи подходящую девушку, которая была бы хорошей женой для их сыновей или внуков.

¹² Sawignar P. H. Contes berbères de Kabylie. Montreal, 1978, p. 213.

¹³ У мальчиков было больше возможностей получить высшее образование. Что же касается девочек, то глава кабийской семьи часто противился их обучению за пределами домашнего очага, в чужой обстановке. Обычно образование у девочек ограничивалось домоводством, приготовлением пищи, прядением, ткачеством и т. п.; всему этому учила ее мать. Но были и отцы, понимавшие необходимость образования дочерей, посылавшие их в женские школы.

посещала торговые или сельскохозяйственные школы. В колониальный период, особенно вначале, французские школы подвергались бойкоту как со стороны арабов, так и берберов. Но заниматься в старых мусульманских школах было трудно, поскольку французы проводили политику, направленную на подрыв традиционной системы образования¹⁴.

Позже произошло разделение школ на французские, которые были сначала открыты только для европейцев, а впоследствии и для привилегированных алжирцев, и на франко-арабские для мусульман — арабов и берберов. Французы твердо держали в своих руках всю систему образования в Алжире и не допускали даже в арабских школах преподавания на родном языке¹⁵. Улемы-реформаторы в Алжире организовали так называемые свободные школы, которые не входили в государственную систему образования. Они боролись против полной культурной ассимиляции и выступали за распространение образования на арабском языке. В 1954 г. в начальных и «свободных школах» училось 40 тыс. человек¹⁶.

Усиление воздействия капиталистических отношений на традиционное алжирское общество повысило и значение французского языка среди кабилы. Как замечает советский арабист Р. Г. Ланда, умение читать и писать по-французски остается еще и сегодня условием не только социального и экономического успеха, но для многих и средством включения в современную жизнь¹⁷.

В период национально-освободительной революции (1954—1962 гг.) французские власти пошли на уступки местному населению и осуществили реформу образования, которая предусматривала создание общеобразовательных центров для детей, не охваченных школьным образованием, а также включение арабского языка в число школьных дисциплин.

Кабилы чаще, чем арабы, не заканчивали курс обучения: они спешили из города вернуться в деревню, а деревенскую школу покидали для работы в сельском хозяйстве. Кабил с нетерпением ждал того возраста, когда можно было выйти на рынок, где собирались взрослые мужчины из разных селений. Возраст, когда мальчику разрешалось самостоятельно ходить на рынок, определяли родители¹⁸. Считалось, что мальчик достигал совершеннолетия после того, как соблюдал рамадан в течение четырех лет подряд. Затем он вносил свой взнос в джамаа и становился ее членом. Девушка, как считали кабилы, не имела возраста совершеннолетия, поскольку она всегда находилась под покровительством своего ближайшего родственника — мужчины.

Солидарность деревни кабилы проявлялась, когда умирал один из членов общины. Вся деревня выходила на похороны. Женщины кричали до хрипоты, царапая лица, часто до крови, рвали на себе волосы. По кабилскому закону на не явившегося на похороны накладывали штраф, даже, если умерший не был его родственником.

О смерти одного из жителей немедленно сообщали амину, который определял, кто из мужчин должен отвечать за подготовку могилы. Похороны проводились в короткие сроки: бальзамирование тела не было принято. Тело обертывали в саван (пеленку), укладывали на носилки, и мужчины на плечах несли его к месту захоронения. Марabut читал фатиху, тело помещали в неглубокую могилу, забрасывали ее землей и камнями, а сверху сажали кактус и ставили небольшой кувшин с водой. Каких-либо различий в ритуале похорон бедных и богатых не существовало. Все расходы по похоронам бедняков брала на себя джамаа. После похорон устраивался большой обед в доме покойного. После этого каби-

¹⁴ Курпин А. И. Франция и страны Магриба. М., 1980, с. 8.

¹⁵ Константинов Н. А. Школьная политика в колониальных странах. М., 1948, с. 80.

¹⁶ Арабские страны. История. Экономика. М., 1970, с. 105.

¹⁷ Ланда Р. Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830—1918). М., 1976, с. 125.

¹⁸ В базарные дни в некоторых школах, где преобладали ученики-кабилы, невозможно было продолжать уроки. В результате в таких школах бывало по два выходных дня — один в воскресенье, другой в базарный день.

лы возвращались к своим обычным занятиям (горе высказывалось всего несколько часов).

Если отец — глава семьи умирал, не распределив заранее имущество, среди его наследников — мужчин возникали споры, нередко переходившие в вооруженные конфликты. Женщины, бездумно расточавшие свою часть наследства, заранее знали, что не найдут в своей семье защиты и поддержки: на их обращение за помощью семья ответит, что их право «использовано»¹⁹. У многих племен Кабилии, вопреки мусульманскому законодательству, женщины не получали наследства. Одакно семья должна была материально поддерживать вдов и разведенных женщин до повторного вступления в брак.

Известно, что мусульмане особое значение придавали гостеприимству. Согласно традиции, Пророк призывал правоверных оказывать почести гостям в течение нескольких дней. Вместе с тем и гостей предупреждали, чтобы они не оставались в доме хозяина слишком долго. По законам гостеприимства кабилы мечети и джамаа не могли отказать чужестранцам и путешественникам в ночлеге. В случаях, когда в деревне собиралось много гостей, например на свадьбы, похороны или обрезания, амин обязан был проследить, чтобы всем гостям было оказано достойное гостеприимство. Он определял, кто именно в деревне на этот раз должен был принять гостей. Обычно гости находились под *анайя* (защитой) деревни и, если с ними что-то случалось, это было большим ударом по престижу общины.

Дух солидарности проявлялся и в обычае *гимтерет* — распределение мяса. В джамаа концентрировались достаточные фонды для такого распределения. Амин отвечал за покупку животного на убой и затем следил за распределением мяса. Каждый вносил в этот фонд, что мог. Обычно любой житель деревни получал равную часть с остальными, включая новорожденных²⁰.

В Кабилии существовали весьма оригинальные формы контроля. Не было тюрем и принудительного аппарата, который выполнял бы роль полиции. Тех, кто противился проведению в жизнь решений или постановлений джамаа, наказывали либо штрафами, либо смертью. Смертная казнь все еще применялась в случаях нарушения супружеской верности. Интересен обычай *анайя* — предоставление защиты отдельным лицам или деревней, племенем, политической партией одному или нескольким людям²¹. Нарушение человеком этого обычая расценивалось в его деревне или племени как самое серьезное нарушение правил жизни кабилы. Виновного подвергали строгому наказанию, иногда даже смертной казни с конфискацией всего имущества, а дом его разрушали²². *Анайя* — это настоящая политическая организация. Каждый кабил в случае необходимости имел право прибегнуть к ней. Однако злоупотреблять этим правом было не принято. Подобная защита представлялась только после обсуждения на общем собрании.

В Кабилии долгое время бытовал обычай кровной мести (*рекба*). Если кого-то убивали, то клан или семья убитого требовали мести, а родня преступника защищала его, даже если он был виноват. Пострадавшая сторона стремилась убить любого члена этой группы. Вражда могла длиться годы²³. Причем обычай *рекба* вступал в силу, даже если смерть была следствием неловкости или безрассудства самой жертвы. Если жертвой оказывался мужчина, *рекба* направлялась против мужчин, если

¹⁹ Sawignar P. H. Op. cit., p. 224.

²⁰ Когда кабил просил о чем-либо у бога (о дожде или солнце, о прекращении эпидемии или предохранении деревьев от болезни), он также подготавливал *гимтерет* — как долю для кого-нибудь из ушедших на тот свет.

²¹ Если предоставивший *анайя*, не имел возможности выполнить взятого обязательства, он возлагал его на семью, иногда — харубу или даже еще более влиятельную группу — деревню или племя, или политическую партию.

²² Basagana R., Sayad A. Habitat traditionnel et structures familial en Kabylie. Alger, 1974, p. 71.

²³ Benachenhow A. Connaissance du Maghreb. — Notions d'ethnographie, d'histoire et de sociologie. Alger, 1971, p. 91.

женщина — против женщин. В случае детоубийства под рекбу подпадали члены семьи в соответствии с полом ребенка. У арабов-мусульман существовал обычай, согласно которому разрешалась замена возмездия определенной суммой. Семья убийцы выплачивала штраф деньгами или скотом; величина штрафа определялась в зависимости от нанесенного ущерба. У кабилов же существовал другой порядок — «голова за голову».

В свое время французские колониальные власти пытались пресечь практику рекба, передавая все уголовные дела в руки французских судов. Но кабилы игнорировали это запрещение. В настоящее время кабилы с уважением относятся к государственным законам, обязательным для всех алжирцев, однако случаи рекба до сих пор встречаются в высоких горах Кабилии.

Еще один самобытный обычай кабилов давал право каждому ответить на нанесенную ему обиду. Он носит название *тутшит* или *усида* («разрушил» и «съел что-то»). И в этом случае в распрю вмешивалась деревня, защищая своих членов.

Важным регулятором норм поведения являлась *хорма* («честь»). Общественное мнение ревностно чтит хорму деревни. Нарушение ее навлекало позор не только на нарушившего соответствующие правила человека, но и на его семью и деревню в целом.

Несмотря на то, что алжирские берберы, в частности кабилы, по этносоциальному составу и традиционному образу жизни отличались от арабов Алжира, они жили с ними одной жизнью. Колониальные власти пытались сыграть на специфике положения кабилов в стране, поощряя их партикуляристские настроения, утверждая, что берберский народ ничего общего не имеет с Востоком. Однако все эти вымыслы идеологов колониализма успеха не имели.

Общественный строй современного Алжира является выражением борьбы всего народа против иностранных монополий и их местных пособников. Правительство Алжира поставило перед собой задачу добиться полной независимости во всех сферах национального развития. В соответствии с этой задачей большое значение придается изучению истории Алжира, традиций и быта его национальных меньшинств и их культуры, а также развитию образования, целью которого является «создание нового общества, где навеки будут уничтожены неравенство и эксплуатация»²⁴.

В мае 1980 г. на пленуме ЦК ФНО было принято решение о проведении политики арабизации страны и разработке с этой целью соответствующей методики на научной основе. Однако проведение указанного решения в жизнь встретило на своем пути много трудностей. Это прежде всего нехватка преподавателей, учебников и квалифицированных кадров²⁵, а также языковая проблема.

Языковая проблема в Алжире связана с особенностями социально-политической ситуации. Берберы относятся к арабизации весьма сдержанно. Бербероязычное население, в том числе кабилы, преобладает среди горцев преимущественно на территории Большой Кабилии. В политике арабизации кабилы видят разрушение их традиционного образа жизни. Несмотря на то, что происходит индустриализация ранее отсталой Кабилии и часть берберов уже работает на промышленных предприятиях (Тизи-Узу, Азарга), традиционная жизнь с трудом уступает место современной.

И все же жизнь идет вперед. В ходе аграрных преобразований 1970-х годов созданы сельскохозяйственные, в том числе производственные, кооперативы, включившие и выходцев из Кабилии²⁶. На базе этих объединений возникли новые берберские деревни кабилов-садоводов. В на-

²⁴ II ème session du Comité Central. 26—30 dec. 1979. Resolutions Révolution africaine, 1980, № 822, p. 19.

²⁵ *Комар В. И.* Идеино-политическое развитие ФНО Алжира (1954—1984). М., 1985, с. 78.

²⁶ *Ментешавили З.* Берберы.— Азия и Африка сегодня, 1985, № 9, с. 50.

стоящее время правительство Алжира делает ставку на полную политическую, социальную и экономическую интеграцию берберов-кабилов. Но процесс интеграции кабилов протекает не гладко. Успех поставленной задачи во многом зависит от преодоления феодальных и родо-племенных пережитков, реликтов докапиталистических отношений и общественных связей. Что касается «берберизма», то в Алжире его питательной средой является кабилская буржуазия — наиболее сильная фракция алжирской буржуазии, болезненно реагирующая на арабизацию, а ограничение своих интересов представляющая как преследование всех кабилов. По-видимому, решение этого вопроса, удовлетворяющее все стороны, должно исходить из уважения самобытности кабилов, их языка, культуры, нравов и обычаев.

Е. Н. Успенская

НАСЕЛЕНИЕ ПРИГИМАЛАЙСКИХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОЙ ИНДИИ (этнографическая характеристика)

Пригималайские районы Северной Индии — это расположенная на склонах Гималаев часть индийской территории, граничащая со штатом Джамму и Кашмир на северо-западе и с Непалом на юго-востоке. Большой Гималайский хребет отделяет ее от Тибета. Пригималайские районы Северной Индии включают штат Химачал Прадеш и северо-западную часть штата Уттар Прадеш (его дистрикты Гархвал, Техри Гархвал, Дехра Дун, Альмора, Наини Тал, Уттаркаши, Чамоли и Питхорагарх, где расположены исторические области Кумаон и Гархвал).

Пригималайские районы являются частью североиндийской историко-этнографической области.

В географической науке эту часть Индии принято выделять в особую область так называемые «Панджабские и Кумаонские Гималаи», площадь которой составляет около 10 тыс. км²¹.

Гималаи представляют несколько параллельных хребтов — Сивалик, Малые Гималаи (иначе — Химачал), Большие Гималаи (Химандри). Высота гор обуславливает большое разнообразие климатических зон. В Гималаях много рек и озер. В Уттар Прадеше находятся истоки Ганга и Джамны, места паломничества индуистов всей страны. Именно в многочисленных межгорных впадинах и долинах рек сосредоточена подавляющая часть населения пригималайских районов Северной Индии. Горный характер местности обусловил изолированность и дробность населения отдельных долин и равнин, в каждой из которых прослеживается этническое и культурное единообразие. Иногда в изоляции оказываются даже отдельные деревни. Рельеф местности создает большие препятствия развитию хозяйственно-культурных контактов и протеканию этнических процессов. Для региона характерна чрезвычайная этническая пестрота. К сожалению, невозможно сказать со всей определенностью, сколько народов проживает в этом регионе, какова их точная численность. Данные о составе населения высокогорных районов часто вообще отсутствуют. Наиболее полные сведения об этническом составе пригималайских районов Северной Индии были представлены в материалах переписи населения Индии 1961 г. Однако в целом население региона остается малоизученным.

Пригималайская культурно-историческая подобласть расположена на стыке североиндийского и тибетского этнокультурных комплексов, и ее этнически разнообразное население условно можно разделить на две

¹ Подробнее см. *Гопал Сингх. География Индии. М., 1980.*